

■ ТИМОТИ СНАЙДЕР

20

УРОКОВ

ВЕКА

XX

ОТМЫРАЮЩИМ

CoRpus

“ИСТОРИЯ НЕ ПОВТОРЯЕТСЯ, НО ОНА УЧИТ”

Тимо́ти Сна́йдер

О тирании. 20 уроков XX века

«Corpus (АСТ)»

2017

УДК 94(100)"19"
ББК 63.3(0)6

Снайдер Т.

О тирании. 20 уроков XX века / Т. Снайдер — «Corpus (АСТ)»,
2017

Есть ли что-то общее между Германией 1933 года и Америкой, избравшей президентом Дональда Трампа? В книге Тимоти Снайдера “О тирании” такое сопоставление не выглядит натяжкой. Автор призывает прислушаться к урокам минувшего века и с их помощью предотвратить скатывание к диктатуре в нынешнем. “Мы не мудрее европейцев, которые видели, как демократия уступает фашизму, нацизму и коммунизму в XX веке, – пишет Снайдер. – Наше единственное преимущество в том, что мы можем учиться на их опыте. И сейчас для этого самое время”. Тимоти Снайдер – один из ведущих американских историков, широко известный в Европе, о которой написано большинство его работ. Его знаменитая книга “Кровавые земли: Европа между Гитлером и Сталиным” (2010) вызвала широкую полемику и была удостоена множества престижных наград, включая премию имени Ханны Арендт за вклад в политическую мысль.

УДК 94(100)"19"
ББК 63.3(0)6

© Снайдер Т., 2017
© Corpus (АСТ), 2017

Содержание

Пролог	6
1. Не подчиняйтесь заранее	8
2. Защищайте общественные институты	10
3. Опасайтесь однопартийного государства	11
4. Отвечайте за то, как выглядит мир	13
5. Помните о профессиональной этике	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Тимо́ти Сна́йдер

О тирании. 20 уроков XX века

© Timothy Snyder, 2017

© Николай Охотин, перевод на русский язык, 2018

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2018 © ООО «Издательство АСТ», 2018

Издательство CORPUS ®

* * *

«В политике у обманутых нет оправданий».
Лешек Колаковский

Пролог

История и тирания

История не повторяется, но она учит. Когда отцы-основатели обсуждали конституцию Америки, они черпали уроки из той истории, которую они знали. Опасаясь краха задуманной ими демократической республики, они изучали превращение древних демократий и республик в олигархии и империи. Как им было известно, Аристотель предупреждал о том, что неравенство влечет нестабильность, в то время как Платон верил, что демагоги при помощи свободы слова становятся тиранами. Строя демократическую республику на основе закона и создавая систему сдержек и противовесов, отцы-основатели стремились избежать того зла, которое они вслед за античными философами называли тиранией. В их сознании это означало узурпацию власти единолично или группой людей либо действия правительства в обход закона для достижения собственных целей. Значительная часть последующих политических дебатов в Соединенных Штатах касалась проблемы тирании внутри американского общества: например, в отношении рабов и женщин.

Когда кажется, что политический строй в опасности, на Западе издавна принято обращаться к истории. Если сегодня мы обеспокоены тем, что американскому эксперименту угрожает тирания, мы можем последовать примеру отцов-основателей и взглянуть на историю других демократий и республик. У нас есть преимущество. По счастью, мы можем найти более подходящие и свежие примеры, чем древние Греция и Рим. Но увы, они демонстрируют, что история современной демократии точно так же является историей упадка и разрушения. С тех пор как американские колонии объявили о своей независимости от Британской монархии, которую основатели полагали “тиранической”, в европейской истории было три демократические вершины: после Первой мировой, в 1918-м; после Второй мировой, в 1945-м; и после краха коммунизма, в 1989 году. Многие демократии, возникшие на этих рубежах, угасли при обстоятельствах, которые во многих важных аспектах напоминают наши собственные.

История может знакомить с фактами – и предостерегать. В конце девятнадцатого века, так же как и в конце двадцатого, рост мировой торговли порождал надежды на прогресс. В начале двадцатого века, так же как и в начале двадцать первого, эти ожидания столкнулись с новым явлением в массовой политике, когда лидер или партия начинали претендовать на прямое выражение воли народа. Европейские демократии 1920-1930-х годов скатились в правый авторитаризм и фашизм. Коммунистический Советский Союз, возникший в 1922 году, в 1940-е годы начал распространять свою модель на Европу. История Европы двадцатого века демонстрирует нам, что общества с легкостью дезинтегрируются, демократии рушатся, этика отступает и обычные люди обнаруживают себя на краю расстрельных ям с автоматами в руках. Сегодня было бы полезно понять, почему так происходит.

И фашизм, и коммунизм стали реакцией на глобализацию, на вызванное ею неравенство, настоящее и мнимое, на очевидную беспомощность демократий перед лицом этого неравенства. Фашизм отказывался от разума во имя воли и приносил объективную истину в жертву яркому мифу, который транслировали лидеры, якобы ставшие гласом народа. На сложные вызовы глобализации фашистский режим приклеивал узнаваемый ярлык “заговора против нации”. Фашисты правили пару десятилетий, полностью отбросив интеллектуальное наследие, ценность которого с тех пор заметно выросла. Коммунисты правили дольше, почти семьдесят лет в Советском Союзе и более сорока в значительной части Восточной Европы. Их модель предусматривала власть дисциплинированной партийной элиты с идейной монополией, которая, согласно якобы нерушимым законам истории, должна была вести общество к определенному будущему.

Возникает соблазн считать, что наше демократическое наследие автоматически защищает нас от таких угроз. Не стоит ему поддаваться. Наша собственная традиция призывает нас обратиться к истории, чтобы понять глубинные причины тирании и выработать правильную реакцию на нее. Мы не мудрее европейцев, которые видели, как демократия уступает фашизму, нацизму и коммунизму в двадцатом веке. Наше единственное преимущество в том, что мы можем учиться на их опыте. И сейчас для этого самое время.

Эта книга содержит двадцать уроков двадцатого века, адаптированных к сегодняшним обстоятельствам.

1. Не подчиняйтесь заранее

МЫ САМИ ДАЕМ АВТОРИТАРНОЙ ВЛАСТИ БОЛЬШУЮ ЧАСТЬ ЕЕ ПОЛНОМОЧИЙ.

В ТАКИЕ ВРЕМЕНА В ТАКИЕ ВРЕМЕНА МНОГИЕ СТАРАЮТСЯ ПРЕДУГАДАТЬ, ЧЕГО МОЖЕТ ЗАХОТЕТЬ ЕЩЕ БОЛЕЕ РЕПРЕССИВНОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО, И СДАЮТ ПОЗИЦИИ, НЕ ДОЖИДАЯСЬ, ПОКА ИХ ОБ ЭТОМ ПОПРОСЯТ.

ГРАЖДАНИН, КОТОРЫЙ ТАКИМ ОБРАЗОМ ПРИСПОСАБЛИВАЕТСЯ К ВЛАСТИ, ДАЕТ ЕЙ ПОНЯТЬ, ЧЕГО ОНА МОЖЕТ ДОБИТЬСЯ.

Заблаговременное повиновение – это политическая трагедия. Возможно, правители не сразу понимают, что граждане вполне готовы отступить от каких-то ценностей или принципов. Возможно, новый режим поначалу не имеет прямых рычагов воздействия на граждан тем или иным способом. За немецкими выборами 1932 года, которые дали Гитлеру возможность сформировать правительство, или чешскими выборами 1946 года, когда победу одержали коммунисты, последовал важный этап заблаговременного повиновения. В обоих случаях достаточное количество населения добровольно предложило свои услуги новым лидерам, что позволило как нацистам, так и коммунистам задуматься о скорой смене режима. Первые неосмотрительные жесты конформизма очень быстро становятся необратимыми.

В начале 1938 года Адольф Гитлер, уже твердо стоявший у власти в Германии, стал угрожать аннексией соседней Австрии. После того как сдался австрийский канцлер, заблаговременное подчинение австрийцев решило судьбу австрийских евреев. Местные национал-социалисты арестовывали евреев и заставляли их отчищать улицы от символики независимой Австрии. Но важнее, что австрийцы, которые не были нацистами, смотрели на это с интересом и любопытством. Нацисты, у которых были списки собственности, принадлежащей евреям, брали все, что можно было взять. Но важнее, что австрийцы, которые не были нацистами, присоединялись к грабегам. Как вспоминала Ханна Арендт, “когда немецкие войска вторглись в страну, то вчерашние соседи начали устраивать беспорядки в еврейских домах и австрийские евреи стали заканчивать жизнь самоубийством”.

Заблаговременное подчинение австрийцев в марте 1938 года показало высшему руководству нацистов, что становится возможным. В августе того же года Адольф Эйхман создает в Вене Центральное бюро еврейской эмиграции. В ноябре 1938 года, следуя мартовскому примеру австрийцев, немецкие нацисты организуют свой погром – ставший известным как Хрустальная ночь.

В 1941 году, когда Германия вторглась в Советский Союз, СС по собственной инициативе принялась разрабатывать методы массовых убийств – таких приказов ей не поступало. Сотрудники СС угадали желания своих начальников и продемонстрировали свои возможности. Это превосходило самые смелые мечты Гитлера.

Поначалу заблаговременное подчинение означало инстинктивную, без раздумий, адаптацию к новой ситуации. Но только ли немцы способны к таким проявлениям? Американский психолог Стэнли Милгрэм, размышляя о зверствах нацистов, хотел показать, что объяснение поведения немцев кроется в особом авторитарном складе личности. Он разработал эксперимент, чтобы проверить свое предположение, но не получил разрешение провести его в Германии. Тогда он провел его в Йельском университете в 1961 году – примерно в то же время, что в Иерусалиме судили Адольфа Эйхмана за участие в Холокосте.

Милгрэм сообщил испытуемым (это были студенты Йеля и жители Нью-Хейвена), что в рамках эксперимента по обучению они должны будут применять электрошок к другим людям. На самом деле по договоренности с Милгрэмом люди с прикрепленными проводами по другую сторону стекла только имитировали шок. Когда испытуемые подвергали других участни-

ков эксперимента воздействию электрошока (считая, что все это происходит по-настоящему), им открывалось ужасное зрелище. Незнакомые люди, не сделавшие им ничего плохого, явно испытывали сильные страдания – стучали в стекло, жаловались на боли в сердце. Несмотря на это, большинство испытуемых следовали указаниям Милгрэма и продолжали, как им казалось, применять электрошок с постоянно растущей силой, до тех пор пока их жертвы, как они думали, не умирали. Даже те, кто не доводил дело до (видимого) убийства своих собратьев, уходили, не интересуясь здоровьем других участников эксперимента.

Милгрэм понял, что люди сверхвосприимчивы к новым правилам поведения в новой обстановке. Они на удивление охотно готовы причинять вред другим людям и убивать их в угоду неким новым целям, если таковы будут указания новой власти. “Я обнаружил столько повиновения, – вспоминал Милгрэм, – что едва ли имело смысл повторять этот эксперимент в Германии”.

2. Защищайте общественные институты

ИМЕННО ОБЩЕСТВЕННЫЕ ИНСТИТУТЫ ПОМОГАЮТ НАМ СОХРАНЯТЬ СОБСТВЕННОЕ ДОСТОИНСТВО. НО ОНИ ТОЖЕ НУЖДАЮТСЯ В НАШЕЙ ПОМОЩИ. НЕ СТОИТ ГОВОРИТЬ О «НАШИХ ИНСТИТУТАХ», ПОКА ВЫ НЕ СДЕЛАЛИ ИХ СВОИМИ, ДЕЙСТВУЯ ОТ ИХ ИМЕНИ. ИНСТИТУТЫ НЕ ЗАЩИТЯТ СЕБЯ САМИ. ОНИ РУШАТСЯ ОДИН ЗА ДРУГИМ, ЕСЛИ С САМОГО НАЧАЛА НЕ ЗАЩИЩАТЬ КАЖДЫЙ ИЗ НИХ. ТАК ЧТО ВЫБЕРИТЕ СЕБЕ ОБЩЕСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ ПО ВКУСУ – СУД, ГАЗЕТУ, ЗАКОН, ПРОФСОЮЗ – И ПРИМИТЕ ЕГО СТОРОНУ.

Мы привыкли считать, что институты способны сохранить себя даже в ситуации целенаправленной атаки. Именно эту ошибку допустили некоторые немецкие евреи в отношении Гитлера и нацистов после того, как те сформировали свое правительство. Так, например, 2 февраля 1933 года ведущая газета немецких евреев опубликовала редакционную статью, выражавшую эту неуместную веру:

Мы не готовы подписаться под той точкой зрения, что герр Гитлер и его соратники, наконец заполучившие ту полноту власти, к которой они давно стремились, перейдут к реализации тех предложений, что циркулируют в нацистских газетах; они не лишат в одночасье немецких евреев их конституционных прав, не заключат их в гетто, не бросят на потребу низменным инстинктам толпы. Они не смогут этого сделать, потому что есть ключевые факторы, сдерживающие власть... и они явно не собираются идти в этом направлении. Когда ты становишься реальной действующей силой в Европе, сама атмосфера настраивает на этические размышления о лучшем в тебе и уводит от первоначальных оппозиционных заявлений.

Таковы были взгляды многих разумных людей в 1933 году, таковы они и сегодня. Ошибочно считать, что правители, пришедшие к власти благодаря институтам, не смогут помянуть или разрушить эти самые институты – особенно если именно это они и обещали сделать. Иногда революционеры планируют уничтожить все институты сразу. Таков был подход русских большевиков. А иногда институты теряют жизнеспособность и перестают функционировать, превращаются в симулякр того, чем они были раньше, и тем самым скорее поддерживают новый порядок, нежели противостоят ему. У нацистов это называлось *Gleichschaltung*.

Новый нацистский порядок установился менее чем за год. К концу 1933 года Германия превратилась в однопартийное государство, в котором все основные институты были укроплены. В ноябре немецкие власти закрепили этот порядок, проведя парламентские выборы (без участия оппозиции) и референдум (“правильный” ответ был заранее известен). Некоторые немецкие евреи голосовали по указке нацистских лидеров в надежде, что этот жест лояльности свяжет новую систему обязательствами перед ними. Эта надежда была тщетной.

3. Опасайтесь однопартийного государства

ПАРТИИ, КОТОРЫЕ ПЕРЕКРАИВАЛИ ГОСУДАРСТВА И ПОДАВЛЯЛИ СОПЕРНИКОВ, ВО ВСЕ НЕ БЫЛИ ВСЕМОГУЩИМИ С САМОГО НАЧАЛА. ОНИ ИСПОЛЬЗОВАЛИ ИСТОРИЧЕСКИЙ МОМЕНТ, ЧТОБЫ ИСКЛЮЧИТЬ СВОИХ ОППОНЕНТОВ ИЗ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ. ПОЭТОМУ ПОДДЕРЖИВАЙТЕ МНОГОПАРТИЙНУЮ СИСТЕМУ И ЗАЩИЩАЙТЕ ПРОЦЕДУРУ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ВЫБОРОВ. ГОЛОСУЙТЕ НА МЕСТНЫХ И ГОСУДАРСТВЕННЫХ ВЫБОРАХ, ПОКА ЭТО ВОЗМОЖНО. ЗАДУМАЙТЕСЬ О ТОМ, ЧТОБЫ БАЛЛОТИРОВАТЬСЯ САМОМУ.

Возможно, Томас Джефферсон никогда и не говорил, что “цена свободы – вечная бдительность”, но это точно говорили другие американцы, его современники. Когда мы думаем об этих словах сегодня, мы представляем себе праведную бдительность, направленную вовне – против невежественных, враждебных других. Мы кажемся себе городом на вершине горы, столпом демократии, высматривающим угрозы из внешних пределов. Но смысл этих слов был абсолютно иным: человеческая природа такова, что американскую демократию нужно защищать от самих американцев, которые с помощью ее свобод могут приблизить ее конец. В действительности фраза “Цена свободы – вечная бдительность” принадлежит американскому аболиционисту Уэнделлу Филиппсу, который также добавил, что “манна народной свободы следует собирать ежедневно, иначе она сгниет”. Достижения современной европейской демократии только подтверждают мудрость этих слов. В двадцатом веке были предприняты серьезные попытки распространить франшизу и основать прочные демократические системы. Но демократии, возникавшие после Первой мировой войны (а также после Второй), часто рушились, когда одной партии удавалось захватить власть посредством выборов и переворота в той или иной комбинации. Партия на волне успешной победы на выборах либо движимая своей идеологией (либо и то и другое вместе) может изменить систему изнутри.

За выборами, выигранными в 1930-х и 1940-х фашистами, нацистами и коммунистами, последовало сочетание спектакля, репрессий и “тактики салями” – когда оппозиция отрезается слоями, один за другим. Большинство было занято своими делами, кого-то посадили, а остальных заткнули рот.

Герой романа Дэвида Лоджа говорил, что, занимаясь любовью последний раз, ты не знаешь, что занимаешься любовью последний раз. С голосованием то же самое. Некоторые немцы, голосовавшие за национал-социалистов в 1932 году, наверняка понимали, что в обозримом будущем по-настоящему свободных выборов больше не будет, но большинство этого не понимало. Некоторые чехи и словаки, голосовавшие за Чехословацкую компартию в 1946 году, может быть, и сознавали, что голосуют за конец демократии, но большинство считало, что будет еще один шанс. Несомненно, русские на выборах в 1990 году не думали, что это последние свободные и честные выборы в истории их страны, каковыми они (пока) и остаются.

Любые выборы могут оказаться последними, по крайней мере последними в жизни голосующего. Нацисты оставались у власти вплоть до своего военного разгрома в 1945 году, чехословацкие коммунисты – до краха всей системы в 1989 году. Российская олигархия, возникшая после выборов 1990 года, продолжает функционировать и продвигает внешнюю политику, нацеленную на повсеместное уничтожение демократии.

Применима ли история тирании к Соединенным Штатам? Определенно, американцы, говорившие о “вечной бдительности” в девятнадцатом веке, сочли бы, что да. Они признавали, что мы несовершенны, и разработанная ими система была направлена на то, чтобы сделать последствия нашего несовершенства менее ощутимыми. Мы, подобно древним грекам, сталкиваемся с проблемой олигархии, принимающей все более угрожающие масштабы по мере того, как глобализация увеличивает неравенство.

Причудливое представление американцев о том, что жертвование средств на проведение политических кампаний и есть свобода слова, сводится к тому, что у богатых оказывается гораздо больше слова – а значит, и голосов, – чем у остальных граждан. Мы верим в то, что у нас работает система сдержек и противовесов, однако сегодня мы столкнулись с исключительной ситуацией: менее популярная из двух партий контролирует все рычаги власти на федеральном уровне и имеет большинство в законодательных органах штатов. Партия, контролирующая так много, предпринимает немного шагов, популярных в обществе в целом, и много непопулярных – и, как следствие, должна либо опасаться демократии, либо ее ослаблять.

Еще одна поговорка времен образования Соединенных Штатов гласила: “Там, где заканчиваются ежегодные выборы, начинается тирания”. Будем ли мы ретроспективно оценивать выборы 2016 года так же, как русские оценивают выборы 1990 года, чехи – выборы 1946 года или немцы – выборы 1932 года? Пока это зависит от нас. Очень многое нужно сделать, чтобы исправить систему, удобную для подтасовок и манипуляций, чтобы каждый гражданин имел равный голос, чтобы эти голоса могли быть легко посчитаны согражданами. Нам нужны бумажные бюллетени, потому что их нельзя подтасовать удаленно и всегда можно пересчитать.

Всю эту работу можно вести на местном уровне и на уровне штатов. Нет сомнений, что выборы 2018 года, если они состоятся, станут проверкой на прочность американских традиций. А до того нам предстоит еще много работы.

4. Отвечайте за то, как выглядит мир

СЕГОДНЯШНИЕ СИМВОЛЫ СТАНОВЯТСЯ ЗАВТРАШНЕЙ РЕАЛЬНОСТЬЮ. НЕ ПРОХОДИТЕ МИМО СВАСТИКИ И ДРУГИХ СИМВОЛОВ, ВЫРАЖАЮЩИХ НЕНАВИСТЬ К ЛЮДЯМ. НЕ ОТВОДИТЕ ВЗГЛЯД, НЕ ПРИВЫКАЙТЕ К НИМ. УНИЧТОЖАЙТЕ ИХ САМИ И ПОДАВАЙТЕ ДРУГИМ ПРИМЕР ПОСТУПАТЬ ТАК ЖЕ.

Жизнь и политика неразрывны не потому, что окружающий мир заботят ваши чувства, а потому, что он реагирует на ваши действия. Выбор, который мы совершаем даже по самому незначительному поводу, сам по себе сродни участию в голосовании, и от него зависит, насколько возможны свободные и честные выборы в будущем. В политике повседневности наши слова и жесты либо их отсутствие значат очень много. Несколько ярких (и менее ярких) примеров из истории двадцатого века послужат здесь хорошей иллюстрацией.

В Советском Союзе при Иосифе Сталине преуспевающие крестьяне изображались на пропагандистских плакатах в виде свиней – дегуманизация, которая в сельской местности довольно однозначно намекала на убийство. Это происходило в начале 1930-х годов, когда советское государство стремилось подчинить себе деревню и мобилизовать средства для авральной индустриализации. Крестьяне, имевшие больше земли или скота, чем другие, первыми потеряли все, что имели. У соседа, изображенного в виде свиньи, можно забирать землю. Но те, кто следовал этой логике символов, сами в свою очередь становились жертвами. Столкнув бедных крестьян с более состоятельными, советская власть экспроприировала всю землю под колхозы. Итогом коллективизации стал голод большей части советского крестьянства. Миллионы людей в советской Украине, советском Казахстане и советской России умерли ужасной, унижительной смертью в 1930-1933 годах. За это время советские граждане были доведены до того, что рубили тела умерших на мясо.

В 1933 году, когда голод в Советском Союзе достиг своего пика, в Германии к власти пришла партия национал-социалистов. В эйфории от победы нацисты попытались устроить бойкот еврейских магазинов. Поначалу это шло не слишком гладко. Но практика отмечать краской на стене или витрине магазина, “еврейский” он или “арийский”, в итоге повлияла на восприятие немцами частной экономики. “Еврейская” лавка не имела будущего. Она становилась объектом планов по разграблению. По мере того как собственность становилась этнической, этические нормы менялись под действием зависти. Если могут быть “еврейские” лавки, то и прочая собственность может быть “еврейской”.

Желание, чтобы все евреи исчезли, поначалу сдерживаемое, стало расти на корысти как на дрожжах. Так немцы, размалевывавшие “еврейские” лавки, поучаствовали в процессе, который привел к реальному исчезновению евреев; то же можно сказать и о людях, которые просто наблюдали за этим. Воспринимая метки на витринах как естественную часть городского пейзажа, они уже шли на компромисс с убийственным будущим.

Однажды вам, вероятно, предложат продемонстрировать символы лояльности. Удостоверьтесь, что эти символы объединяют вас с согражданами, а не исключают кого-то из них. Даже история нагрудных значков далеко не так невинна. В нацистской Германии 1933 года люди носили значки с надписью “Да” во время выборов и референдума, закрепивших однопартийную систему в стране.

В 1938 году в Австрии люди, не замеченные до того в симпатиях к нацизму, стали носить значки со свастикой. Жест гордости может обернуться способом притеснения. В Европе 1930-1940-х годов некоторые стали носить свастики, в результате чего другим пришлось надевать желтые звезды.

История позднего коммунизма, когда ни у кого уже не оставалось иллюзий относительно революции, преподносит нам еще один урок о символах. Даже когда граждане деморализованы

и желают только, чтобы их оставили в покое, общественные маркеры все равно продолжают работать на тиранический режим. Когда чехословацкие коммунисты выиграли выборы 1946 года и полностью захватили власть после переворота в 1948 году, многие чехи и словаки преисполнились энтузиазма. Три десятилетия спустя, в 1978 году, диссидент Вацлав Гавел написал “Силу бессильных”, где объяснял причины стабильности деспотического режима, в цели и идеологию которого уже мало кто верит. Он привел пример с директором овощного магазина, который вешает в витрине лозунг “Пролетарии всех стран, объединяйтесь!”.

Дело не в том, что лавочник в самом деле подписывается под сутью этой цитаты из “Коммунистического манифеста”. Он вешает плакат в витрине, чтобы власть оставила его в покое. Когда все следуют этой же логике, мы видим, как публичная сфера покрывается знаками лояльности и сопротивление становится немыслимым. Гавел писал:

Как мы видели, истинное значение лозунга зеленщика никак не связано с тем, к чему призывает сам лозунг. Тем не менее это истинное значение совершенно ясно и всем понятно. Оно вытекает из общедоступности данного кода: зеленщик декларировал свою лояльность [...] единственным способом, на который реагирует общественная власть: тем, что он принял предписанный *ритуал*, что принял “иллюзии” за действительность, что согласился на предложенные “правила игры”. Приняв их, он, разумеется, и сам вступил в игру, стал игроком, сделал возможным, чтобы эта игра вообще продолжалась, чтобы просто существовала.

Но что произойдет, спрашивает Гавел, если никто не будет играть в эти игры?

5. Помните о профессиональной этике

КОГДА ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЛИДЕРЫ ПОДАЮТ ОТРИЦАТЕЛЬНЫЙ ПРИМЕР, ВЕРНОСТЬ ЧИСТО ПРОФЕССИОНАЛЬНЫМ ОБЯЗАННОСТЯМ СТАНОВИТСЯ ЕЩЕ ВАЖНЕЕ. СЛОЖНО ПОДОРВАТЬ ВЕРХОВЕНСТВО ЗАКОНА БЕЗ ПОМОЩИ ЮРИСТОВ ИЛИ ПРОВЕСТИ ПОКАЗАТЕЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ БЕЗ СУДЕЙ. АВТОРИТАРИЗМ НУЖДАЕТСЯ В ПОСЛУШНЫХ ГОССЛУЖАЩИХ, А НАЧАЛЬНИКИ ЛАГЕРЕЙ ИЩУТ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ, ЗАИНТЕРЕСОВАННЫХ В ДЕШЕВОЙ РАБОЧЕЙ СИЛЕ.

Перед Второй мировой войной некто Ганс Франк был личным юристом Гитлера. Когда Германия оккупировала Польшу в 1939 году, Франк стал генерал-губернатором Польши, немецкой колонии, где были уничтожены миллионы евреев и поляков. Он похвастался однажды, что деревьев не хватало на изготовление бумаги для объявлений обо всех предстоящих казнях. Франк утверждал, что закон создан, чтобы служить расе, а значит, то, что хорошо для расы, и есть закон. С такими аргументами немецким юристам несложно было убедить себя, что законы и правила должны служить их планам по завоеванию и уничтожению, вместо того чтобы быть в этом помехой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.